

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	5
--------------	---

Часть первая
УД ГАНГРЕННЫЙ
Октябрь 1717 года

Глава 1	15
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	64
Глава 10	71
Глава 11	77
Глава 12	82
Глава 13	89
Глава 14	95
Глава 15	101
Глава 16	107
Глава 17	113
Глава 18	119

Часть вторая
У КАЖДОГО СВОЙ ВЫБОР
Ноябрь 1717 года

Глава 1	126
Глава 2	133
Глава 3	139
Глава 4	146
Глава 5	151

Глава 6	158
Глава 7	163
Глава 8	169
Глава 9	176
Глава 10.....	181
Глава 11	188
Глава 12.....	194
Глава 13.....	200
Глава 14.....	207
Глава 15.....	214
Глава 16.....	220
Глава 17.....	226
Глава 18.....	232

Часть третья
КАЖДОМУ СВОЕ

Декабрь 1717 года

Глава 1	239
Глава 2	245
Глава 3	252
Глава 4	259
Глава 5	264
Глава 6	271
Глава 7	277
Глава 8	282
Глава 9	288
Глава 10.....	295
Глава 11	300
Глава 12.....	307
Глава 13.....	314
Глава 14.....	319
Глава 15.....	325
Глава 16.....	331
Глава 17.....	338
Глава 18.....	343

ПРОЛОГ

*Иркутск
6 ноября 1993 года*

— Раздавить «красно-коричневых»?! Как же вы, поганые твари, быстро перекрасились всем скопом!

Алексей прижал изуродованной левой рукой длинное древко, уцелевшими пальцами правой начал крепить к нему кумачовое полотнище, ловко орудуя иголкой, зажатой между двумя оставшимися на кисти, самыми важными пальцами — большим и указательным.

По телевизору продолжали с нескрываемым упоением рассказывать о том, как независимая Россия успешно идет по пути рыночных реформ под мудрым управлением Гайдара и Чубайса. Только проклятое коммунистическое прошлое этому прогрессу сильно мешает, а потому должно быть отринуто. И если надо будет, то силой раздавлено, как в недавние октябрьские дни, ведь все это хорошо помнят.

Целое шоу вышло, круглосуточно показывали — стрельба из танков по Верховному Сове-

ту, по сути парламенту, как ни крути... В центре Москвы. Вот она, настоящая демократия!

— Намек понятен — не ходите на митинг завтра, а то плохо будет! И ну на хрен — я ведь «изменник Родины», чего мне бояться!

Ему захотелось сплюнуть, но он едва сдержался — не поганить же собственное жилище. Уставился в мутное зеркало — в отражении увидел старика с изуродованным ожогами лицом и абсолютно седыми волосами. На багровом подбородке торчало несколько белых волосков, там, где не прошлось страшное пламя, лоб и уши защитил шлемофон, а глаза он успел прикрыть ладонью, которую обуглило.

Живой все же остался на той ненужной войне, ведь многие пришли домой в цинках. Надо радоваться, вот только девять лет его терзала обида, разрывая душу. Причина этой застарелой боли в коротком слове заключена. Хлесткое оно, как пощечина, — плен!

Двенадцать лет прошло, когда, окончив школу, поступил на общетехнический факультет педагогического института. Военной кафедры не имелось, а потому по окончании первого курса загревели все неслужившие парни в армию, чему, кстати, не особенно и печалились.

А с чего это горевать? В Афганистане революция, и наши там местным помогают советскую власть устанавливать, социализм строить — «интернациональный долг», в общем.

«Дорогой Леонид Ильич» упал в могилу, уронили ящик, так через месяц, аккуратно перед новым, 1983 годом, пошел он в составе своего МСП за «речку» — в направлении на Герат. Тот еще азиатский городок, основанный самим Александром Македонским, а нравы будто застыли, неважно, каких пришельцев резать. Мятаж Турана Исмаила в 1979 году наглядно продемонстрировал — много о нем говорили старослужащие, исключительно матерно. Да уж, не знал он тогда, что есть город намного пакостней, и имя его, пусть не такое короткое, но острое, как клинок кинжала, что в спину втыкает убийца, — Кандагар.

Там он и сгорел на своей «матальге», а первого душмана увидел, когда очнулся в зиндане. Как выжил — непонятно, ожоги какой-то дрянью ему мазали, чуть ли не ослиной мочой. А вот кисть левой руки духи отсекли, как и три пальца на правой — может быть, потому и не помер, гангрена дальше не пошла. А там вскоре Алексея освободили, причем родимая милиция, как ему потом тайком сказал оперативник, капитан из Челябинска, что в спецгруппе МВД «Кобальт» служил, — он и договорился с местным курбаши.

Вот только припомнили ему этот короткий плен — на дворе был 1983 год, а в стране новый генсек пытался приструнить провинившуюся партийную номенклатуру.

Нет, не «кровавая гэбня» мучила, все вопросы особисты закрыли еще раньше — какие

тайны Родины может знать и выдать супостату обычный мехвод МТ-ЛБ из «доставки», к тому же ставший инвалидом?!

В душу плюнул зажавшийся товарищ, что сейчас совсем не товарищ, а чуть ли не совладелец городских энергосетей, — приватизацию провел успешно. Тогда сказал с нескрываемым презрением, раздув жирные щеки: «Побывавшим в плену не удостоверения о “праве на льготы” давать нужно, а срок отвешивать как изменникам Родины».

— Не царские хоромы...

Алексей обвел взглядом доставшуюся от бабушки (успела его прописать, иначе бы совсем жилья не было), вроде как считавшуюся по документам однокомнатной квартиру. Но на самом деле комнатенку в двухэтажном старинном доме, вернее трех, если подвал считать, окна которого выходили ниже тротуара, в специальном кармане, прикрытом сверху решеткой. Такого жилья в старом Иркутске много — сплошная застройка.

Стекла приходилось мыть каждую неделю — на них постоянно оседала грязь, да чистить «подоконник» — через решетку постоянно кидали всякий мусор, окурки, даже бутылки. Пару раз засоряли сток в канализацию, и во время ливня затапливало комнату. Зимой было совсем плохо — электрические лампочки горели постоянно, ибо через окошко свет совсем не проникал. Есть холодная вода, стоит раковина с краном,

батареи на зиму включают, но плесень на каменных стенах извести не удалось. Плитка электрическая есть, мебель с посудой, полки с книгами. Правда, дощатая будка для «удобств» во дворе стоит, но сейчас похолодало, и вони там почти нет.

Алексей не огорчился, сестре родительская квартира нужнее — двое детей да муж-инженер в каком-то проектном бюро, полгода без зарплаты, таксует на своей «копейке».

— Так, что мы имеем? Почти не хрена; если пенсию не выплатят в срок, то положу зубы на полку, даром они железные.

Смотреть в зеркало расхотелось — губ не было, сожжены в уродливые шрамы, зубы блестят, потому что их закрыть невозможно. Он вообще ни разу в своей проклятой жизни с девушкой не целовался — до войны не успел, даже под руку не ходил в кинотеатр, посмотреть на Бельмондо, Алена Делона или Пьера Ришара, а после Афганистана от него все шарахаются, как завидят, и на другую сторону улицы переходят.

Из потертого кошелька были извлечены три большие купюры — одна пятитысячного номинала и две тысячных. К ним добавились маленькие бумажки — зелененькая, розовая и две синеньких, в дополнение пошла сторублевая монетка, размером с прежний рубль с единичкой. И все его деньги — ровно восемь тысяч, если не считать припрятанной на черный день купюры в десять тысяч рублей.

— Негусто, но завтра праздник. Наш день, не правящих ныне буржуев, пока недобитых — уже показали, кто они на самом деле. Этих приспособленцев и лицемеров стрелять надо было раньше, и не развалилась бы великая страна в угоду кучке мерзавцев!

Алексей уселся на колченогий стул, пододвинул пепельницу, извлек из пачки сигарету — приходилось сильно себя сдерживать в куреве. Пачка сигарет без фильтра «Астра», что раньше 25 копеек стоила, сейчас 300 целковых, а «Космос» вместо 70 копеек — 550 рублей. Ценники на иностранные сигареты убивали зрение наповал — на три тысячи потянет пачка «верблюда», что «Кэмел», — только для новых русских в малиновых пиджаках и с золотыми цепями. Хотя кишиневское «Мальборо» до перестройки купить можно было за полтора рубля.

У него пенсия 27 тысяч рублей — «царская», многие старики вполтину меньше получают, а они всю жизнь проработали. Цены за год взлетели до небес, раз в десять точно, и останавливаться на достигнутых рубежах не собираются. Зарплаты люди получают тысяч 50—70, если, конечно, не задерживают, как принято. Так что все выживают как могут, он сам дворником подрабатывает за 20 тысяч, сестре постоянно помогает, иначе Ленке совсем тяжело было бы. С продолжением учебы не заладилось — безрукий учитель труда в школе

по нормативам не предусмотрен, а география не пошла.

— Ладно, потопали до магазина.

Одевшись, Алексей взял потертую холщовую сумку с ручками и с трудом поднялся по каменным ступеням вверх. Вышел на улицу, постоял, вдыхая морозный воздух. По засыпанной снежком дороге проехал троллейбус — «тройка» сейчас ходила очень редко, за час один раз. Проезд за 15 рубликов вместо 4 копеек кусался. Зато киловатт за 2 рубля, хвала губернатору, хотя по стране втрое больше.

Прошелся дворами, припадая на искалеченную ногу, и вышел к хлебозаводу — в ноздри ударил запах свежееиспеченного хлеба, желудок моментально недовольно заурчал, требуя свою долю. Встал в небольшую очередь у заводского киоска на проходной — там всегда продавали горячую выпечку. Стоял минут десять и стал счастливым обладателем двух кирпичей поджаристого, с румяной корочкой, еще горячего белого хлеба, облегчив кошелек на зелененькую купюру в пятьсот рублей.

Отошел: в проходе между серым корпусом лаборатории и хлебозаводом народ постоянно ходил, и было не совсем удобно куснуть у всех на виду буханку с угла. А так немного перекусил, посмотрел на главный корпус пединститута, на парящую широкую Ангару, никогда не замерзающую даже в лютые морозы. И зашел в магазин, что пристроился с левого угла

на первом этаже высокого желтого дома, за которым высились маковки церквей...

— Однако, сходил за хлебушком раз, и без денег остался.

Алексей досадливо вздохнул — цены снова подскочили, хотя президент уже не клялся, что если они вырастут, то он ляжет на рельсы. Наверное, далековато живет от трамвайных путей и на электричке не ездит.

Быстро записал расходы: картошка — 640 рублей пара килограмм, пачка макарон 300, бутылка масла подсолнечного восемь сотен. Перловка, что в армии «резиной» или «шрапнелью» презрительно называли, всего 220 рублей. Лук репчатый по 570 — в магазине овощей никогда не продавали, а тут сподобились. Видимо, решили не злить народ и хоть чем-то наполнить пустующие полки. Продуктов почти нет, даже по карточкам раньше выбор намного больше был, а тут такое при торжествующем капитализме, вопреки всем обещаниям, что «рынок все сам сделает».

Однако прихватил импорта, самого ходового — иного не наблюдалось. Несколько пачек сухого сока «Зуко» (вечно голодные студенты о нем отзывались весьма одобрительно, порой именуя себя «зукины дети») пошли в дополнение к литровой бутылке спирта «Ройял». Емкость с золотой полоской стоила жалкие полторы тысячи, тогда как обычная бутылка с полулитром водки тянула всю тысячу сто.

Студенты из общежития недаром «буржуя» всегда берут — бодяжат водой, в которой растворяют для вкуса «зуко», и получают пять бутылок водки. А еще Алексей прикупил чудотворное — французскую колбасу за восемь сотен, запаянную в красочный пластик, в то время как отечественная, самая плохонькая, вдвое больше выходила. Решил поджарить ее кружками до румяной корочки и рюмочку ради праздничка тяпнуть...

— Да, везде царствует обман — нам бумажку красивую подсунули, а мы на нее и повелись! Продали державу за вот такое дерьмо!

Алексей ругался, поминая всех буржуев, которых пролетариат недорезал. Он был зол как никогда — так его еще не кидали!

Французская колбаса не поджарилась в скворчавшем масле — она в нем растаяла, превратившись в дурно пахнувший клейстер. В отчаянии Алексей вынес сковороду из комнаты во двор, поставил на снег. Покурил, успокоился — вылил жижу в жестяную собачью миску. Однако эту сизую остывшую массу голодный пес не стал жрать, фыркнул и отошел, хотя брошенный ему кусок хлеба умял мгновенно.

— Ладно, отварим картошку в мундире и с жареным лучком. А пока рюмочку «ройял зуко» опрокинем для пробы!

Алексей уже развел спирт согласно нормам и студенческим рекомендациям — получилось ровно пять бутылок с небольшим недоливом

чуть желтоватой жидкости. Налил половину граненого стакана, который еще студентом украл у аппарата газированной воды. Стояли раньше такие на улице, кинул три копейки — и пей сладкую шипучку.

Осушил в три глотка — пошла хорошо, с «зуко» вышло не так омерзительно, как раньше. Потянулся за сигаретой, но тут перед глазами все поплыло, и он, теряя сознание, успел подумать: «И тут обман — отравили!»